

ДИСКУССИИ

УДК 81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.01.07

Код ВАК 10.02.19

М. М. Russo
Москва, Россия

НЕОГУМБОЛЬДТИАНСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И РАМКИ «ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА»

Аннотация. Рассматривается понятие «языковая картина мира», делается попытка определения границ его применимости. Приводятся примеры использования семантических переходов в качестве инструмента при описании языковой картины мира.

Ключевые слова: языковая картина мира; лексическая типология; гипотеза лингвистической относительности; семантические переходы.

Сведения об авторе: Russo Максим Михайлович, Институт языкоznания РАН.

Место работы: редактор отдела науки интернет-портала «Polit.ru».

Контактная информация: 125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1, к. 50.
e-mail: maks.rousseau@gmail.com.

М. М. Russo
Moscow, Russia

NEOHUMBOLDTISM IN LINGUISTICS AND THE FRAMEWORK OF “LINGUISTIC MODEL OF THE WORLD”

Abstract. The paper deals with the term “linguistic model of the world”. We try to define limits of the applicability of this term. Also we show how semantic shifts can be used to describe “linguistic model of the world”.

Key words: linguistic model of the world; lexical typology; linguistic relativity; semantic shifts.

About the author: Russo Maksim Mikhailovich, the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Place of employment: Editor of the Department of Science of the web-site «Polit.ru».

1. ПУТИ «НЕОГУМБОЛЬДТИАНСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ»

1.1. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ПОД ПРИЦЕЛОМ КРИТИКИ. В современной лингвистической литературе не сложилось определенного консенсуса относительно термина «языковая картина мира» (далее — ЯКМ). Более того, часто употребление этого выражения вызывает резкую критику. Упомянем лишь самые заметные из появившихся в последние годы острокритических публикаций.

Статью, посвященную работам А. Вежбицкой, опубликовал швейцарский лингвист, профессор Лозаннского университета Патрик Серио [Sériot 2005]. Он обращает внимание на представляющееся ему странным сочетание универсализма (концепция «естественногo семантического метаязыка») и гумбольдтианства (идея понимания культур через посредство ключевых слов) у А. Вежбицкой. П. Серио связывает «неогумбольдтианские» концепции с отжившими идеями эпохи немецкого романтизма и «консервативным мышлением, преобладающим в советской и постсоветской России». А. Вежбицкая ответила на критику П. Серио, утверждая, что она считает неогумбольдтианскую парадигму вполне плодотворной в современной лингвистике [Вежбицкая 2008]. Эта полемика обсуждалась также в следующей публикации: [Аникин, Чудинов 2011].

Резкой критике концепция ЯКМ подверглась в статье А. В. Павловой и М. В. Без-

родного, вышедшей в 2010 г. в журнале «Toronto Slavic Quarterly» [Pavlova, Bezrodnyj 2010]. Позднее появился вариант этой статьи на русском языке [Павлова, Безродный 2010a], а ее доработанный вариант был опубликован в отечественном журнале «Политическая лингвистика» [Павлова, Безродный 2011]. За публикацией последовала полемика с А. Д. Шмелёвым [Шмелев 2010; Павлова, Безродный 2010b; Шмелев 2011].

А. В. Павлова и М. В. Безродный связывают изучение ЯКМ с апологией русского языка и идеями, для обозначения которых вводят термин «лингвоарциссизм». Авторы прослеживают историю русского лингвоарциссизма от XVIII в. (дух которого хорошо отражает знаменитая цитата: «...великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка» — из М. В. Ломоносова), отмечают лингвоарциссизм как одну из черт советской идеологии, справедливо связывают лингвоарциссизм с любительскими этимологическими штудиями под девизом «все языки произошли из русского» (от этрусков — хитрушек В. К. Тредьяковского до «Новой хронологии» А. Т. Фоменко). А далее совершается неожиданный переход: идея «уподобления языка народу» позволяет авторам приравнять к лингвоарциссическим сначала

воззрения создателей гипотезы лингвистической относительности и автора понятия «языковая картина мира» Лео Вайсгебера, а потом идеи работ А. Вежбицкой и круга российских авторов, пишущих о ЯКМ.

Ряд упреков, которые А. В. Павлова и М. В. Безродный предъявляют авторам «неогумбольдтианских» работ, действительно справедлив: например, «материалом для анализа служат не однородные и представительные по объему речевые массивы, а единичные и предвзято отобранные примеры из разных по типу дискурса и времени возникновения источников», многие из цитируемых ими работ российских авторов и в самом деле наполнены малообоснованными рассуждениями о русском национальном характере. Однако в итоге делается вывод о полной ненаучности понятия ЯКМ и любых исследований в русле «неогумбольдтианства». Статья А. В. Павловой и М. В. Безродного была бы очень полезной, ее можно назвать даже необходимой ввиду потока работ, злоупотребляющих терминами «ментальность», «концепт», «языковая картина мира», который захлестнул сейчас российскую науку. Но, увы, признавать какую-либо научную ценность хоть за какими-нибудь работами о ЯКМ А. В. Павлова и М. В. Безродный не намерены. К тому же сама критическая статья написана не в научном, а в лучшем случае публицистическом или даже «фельетонном» стиле, не подразумевающем возможности серьезной дискуссии.

Надо действительно признать, что порой рассуждения о связи языка с мышлением и национальной психологией, проникающие в прессу, выглядят натянутыми. Особенно часто авторы неоправданно устанавливают прямую связь между этимологической внутренней формой слов (как правило, не осознающейся говорящими) и особенностями национального менталитета. Можно привести пример из статьи в авторитетном научнопопулярном журнале [Вешняковская 2012]: «Слова „жена“ и „женщина“ восходят к общеиндоевропейскому корню *gen* со значением „род“, „порождать“. Английское же *woman* происходит из стянутых в одно древнероманских слов *wif* — женщина и *man* — человек (изначально это слово относилось к обоим полам), то есть буквально *woman* — это „человек женского рода“, а „женщина“ — „родительница“. Неудивительно, что в русскоязычном сознании женщина — это „прежде всего мать“, а в англоязычном — партнерша, *significant other* („значимый другой“), и мать Иисуса Христа мы называем Богоматерью, а Запад — Девой Марией. Неудивительно также, что и законодательные нормы,

защитившие имущественные права „женщины-человека“, появились уже в англосаксонский период (V—XI века)».

При этом совершенно игнорируются не соответствующие общей концепции факты: употребления слова *дева* (греч. *παρθένος*) по отношению к Богородице в православии (например, в «Богородице Дево, радуйся») и слова *mater* в католичестве (например, в се-квенции «*Stabat Mater dolorosa*» и антифоне «*Alma Redemptoris Mater*»), да и тот факт, что с имущественными правами английских женщин даже в Викторианскую эпоху дело обстояло не столь уж радужно (так называемые «*Married Women's Property Acts*», защищающие имущество замужней женщины от мужа и его кредиторов, в США и Великобритании начали приниматься лишь с 1840-х гг. [Braukman et al. 2000; Brinjikji]).

Подобных рассуждений в современной российской прессе довольно много. Но приравнивать к ним любые работы лингвистов, посвященные ЯКМ, это всё равно что сравнивать многочисленные ныне псевдонаучные публикации с заголовками вроде «Арийские корни Руси», «Славянские веды», «Древняя ведическая Русь основа сущего» с работами санскритологов и специалистов по сравнительно-историческому языкознанию индоевропейской семьи языков.

Более конструктивные критики «неогумбольдтианства» не отрицают в целом наличия специфических ЯКМ в различных языках. Если судить по очерку, данному В. М. Аллатовым, для Японии идеи «лингвоартизма» еще более характерны, чем для России. Они нашли свое воплощение в особом направлении общественной мысли — *nihonjinron* ‘учение о японцах’, в котором «откровенное мифотворчество соседствует с интересными фактами, а иногда и с разумными наблюдениями» [Аллатов 2008: 30]. Особо в *nihonjinron* подчеркивается идея уникальности японского языка. Давая взвешенную и в большинстве случаев скептическую оценку работам, принадлежащим к *nihonjinron* [Там же: 43—55], и отмечая ряд ошибок в интерпретации фактов японского языка А. Вежбицкой [Там же: 58], В. М. Аллатов не отрицает саму идею различия ЯКМ в разных языках и в особом разделе книги приводит ряд примеров, относящихся к использованию ономатопоэтической лексики, шкалы цветообозначений, лексики животного мира, сравнительной дифференцированности разных лексических систем [Там же: 63—78], противопоставления «свой» — «чужой» [Там же: 79—88]. В качестве важного, но часто встречающегося методологического недостатка работ по ЯКМ В. М. Аллатов справедливо называет

то, что отбор языкового материала может подчиняться заранее известным результатам и подгоняться под них [Там же: 61].

А. Я. Шайкевич в статье, посвященной термину ЯКМ [Шайкевич 2005], отмечает ряд уязвимых мест в рассуждениях о ЯКМ. Во-первых, отсутствие четкой границы между языковой и энциклопедической информацией не позволяет точно установить, какая именно часть знаний о мире входит в коммуникативную компетенцию и, следовательно, может быть отнесена к ЯКМ [Шайкевич 2005: 9—10]. Во-вторых, при исследовании ЯКМ часто не отделяются факты современного языка от реликтов прошлых эпох [Там же: 16], не используются статистические методы [Там же: 18]. В качестве примера наиболее строгой научности в исследованиях ЯКМ А. Я. Шайкевич приводит книгу Е. В. Урысон [Урысон 2003], одновременно замечая, что даже после этой книги он не видит необходимости в нечетком и «эссентическом» термине ЯКМ, так как в его роли вполне может выступить более определенный термин «семантическая система» [Там же: 9]. О соотношении понятий «языковая картина мира» и «семантическая система» мы поговорим ниже.

1.2. ГИПОТЕЗА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ. Удивляет встречающееся в критических статьях утверждение П. Серио, А. В. Павловой и М. В. Безродного, что «неогумбольдианские идеи» утратили популярность в западной лингвистике и продолжают поддерживаться лишь в отсталой России да в далекой Австралии (А. Вежбицкой с узким кругом сторонников). Поскольку А. Д. Шмелев, возражая против этого утверждения, упомянул лишь одну книгу Дж. Лакоффа [Lakoff 1987], стоит кратко рассказать хотя бы о самых известных зарубежных учёных, работы которых с полным основанием можно отнести к «neo-Whorfian paradigm». Лера Бородицки, доцент (assistant professor) департамента психологии Стэнфордского университета, сочетающая в своих исследованиях лингвистические методы с экспериментально-психологическими, изучает в частности использование пространственных метафор в представлениях времени в различных культурах [Boroditsky 2000, 2001, 2002, 2003, 2010; Dils, Boroditsky 2010; Fuhrman, Boroditsky 2010; Phillips, Boroditsky 2003]. К неоурфианской парадигме можно отнести израильского ученого Гая Дейчера, работающего сейчас в Британии в Манчестерском университете. Недавно он выпустил научно-популярную книгу с характерным названием «Through the Language Glass:

Why the World Looks Different in Other Languages» [Deutscher 2010], в которой обсуждается широкий круг вопросов: метафорическая сочетаемость абстрактных слов, различия в лексическом членении семантических полей в разных языках, — а основное внимание уделено цветообозначениям в языках мира. Американский лингвист и психолог Джон Люси, профессор Чикагского университета, исследовал взаимосвязь языка и мышления, в частности цветовой памяти, и проблемы именной категоризации в юкатекском языке [Lucy 1988, 1992a, 1992b, 1994, 1996; Lucy, Shweder 1979, 1988]. В частности, он показал связь между грамматической категорией числа и системой счетных классификаторов в юкатекском и тем, что носители юкатекского языка классифицируют предметы прежде всего по материалу, тогда как носители английского — по форме [Lucy 1992b]. Стивен Левинсон, работающий в Институте психолингвистики Общества Макса Планка (Неймеген, Нидерланды), описывал современные перспективы гипотезы лингвистической относительности [Gumperz, Levinson 1991], а также исследовал выражение пространственных значений в различных культурах [Levinson 1996, 2000, 2003]. Укажем также лишь на самые значительные (на наш субъективный взгляд) издания и статьи, выполненные в русле проблематики «гипотезы лингвистической относительности», связи языка, культуры и мышления, вышедшие в последние два десятилетия в авторитетных зарубежных издательствах [Rethinking linguistic relativity 1996; Relative points of view: linguistic representation of culture 2001; Language in mind 2003; Evidence for linguistic relativity 2000; O'Neill 2008]. В целом для западных «неоурфианцев» характерно использование для исследований не только семантического анализа, но и методов экспериментальной психолингвистики. Особое место занимают экспериментальные исследования восприятия цвета, пространства, времени, движения и эмоций испытуемыми-билингвами [Andrews 1994; Athanasopoulos 2009; Boroditsky et al. 2010; Boroditsky et al. 2002; Pavlenko 1999]. Подчеркнем, что в этом кратком экскурсе мы намеренно не упоминали работ тех авторов, которых можно отнести к школе Вежбицкой.

1.3. НАПРАВЛЕНИЯ «НЕОГУМБОЛЬДИАНСКИХ» ИССЛЕДОВАНИЙ.

1.3.1. Основные направления. В целом современные работы, так или иначе использующие понятие ЯКМ, можно отнести к двум основным направлениям, которые условно можно назвать «психолингвистическим» и «лексикологическим». К психолингвистиче-

скому направлению, помимо упомянутых в предыдущем разделе Л. Бородицки, Дж. Люси, С. Левинсона и других, относится также целый ряд российских ученых (Ю. А. Сорокин, А. А. Залевская, А. А. Леонтьев, Н. В. Уфимцева, А. И. Новиков и др.). Их работы выполнены с помощью специальных методов, используемых в психолингвистике, для которых особо важен эксперимент с носителем языка, а не анализ текстов. В дальнейшем мы не будем рассматривать эти работы, так как определение ЯКМ в них должно быть свое, специфически психолингвистическое.

Для лексикологического направления ЯКМ — это результат, к которому стремится описание конкретного языка методами системной лексикографии [Апресян 1995: 348—351]. Вот как это сформулировал Ю. Д. Апресян: «Сверхзадачей системной лексикографии является отражение воплощенной в данном языке наивной картины мира — наивной геометрии, физики, этики, психологии и т. д. Наивные представления каждой из этих областей не хаотичны, а образуют определенные системы и, тем самым, должны единообразно описываться в словаре» [Апресян 1995: 351].

В дальнейшем, рассуждая о ЯКМ, мы будем говорить именно о лексикологическом ее понимании.

1.3.2. Смежные области. К каждому из основных направлений примыкают смежные дисциплины. К психолингвистическому направлению примыкает когнитивная лингвистика, представленная в России работами З. Д. Поповой, И. А. Стерина, В. В. Красных и других. Понятие картины мира в когнитивной лингвистике относится к ментальному образу в сознании человека и не равно ЯКМ [Попова, Стерин 2007: 52].

К лексикологическому направлению близка этнолингвистика. Сейчас различные авторы по-разному понимают предмет этнолингвистики. В исследовании А. С. Гердт [Гердт 2001] она смыкается с социолингвистикой, а то время как у Н. И. Толстого [Толстой 1995: 39—40] этнолингвистика включает в себя изучение не только языка, но и фольклора, обряда, материальной культуры традиционного общества. Компонент «лингвистика» в этом термине оправдывается преимущественно лингвистическими методами изучения. Лексикологическому направлению в изучении ЯКМ наиболее близка этнолингвистика в узком понимании: «...направление в языкоznании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народ-

ного творчества, их взаимосвязи и разных видов корреспонденции [Толстой 1995: 27; цит. по: Березович 2007].

Несколько более далеко отстоят исследования по культурной антропологии, или этнографии, посвященные используемым в различных культурах классификациям. Из таких работ наиболее известны посвященные народным классификациям животных и растений [Berlin 1992; Brown 1984]. Лингвистические методы играют в таких исследованиях важную, но не основную роль.

2. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК СТРУКТУРА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

2.1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА. Для наглядности перечислим несколько языковых фактов, которые обычно относят к области ЯКМ:

1) в различных языках названия различных анатомических органов получают второе значение ‘центр локализации эмоций’ (рус. *сердце*, удм. *кõт* букв. ‘живот’, тайт. *‘ă’au* букв. ‘кишечник, внутренности’, индонез. *hati* букв. ‘печень’ и пр.);

2) слово *насекомое* в русском языке вне специальной биологической литературы обозначает целый ряд существ, которых зоология не относит к классу насекомых: пауков, многоножек, клещей...;

3) в различных языках различные лингвонимы приобретают значения ‘непонятный’ (рус. *китайская грамота*, англ. *to be Greek to smb.*, исп. *me suena a griego*, *me suena a chino*, нем. *das kommt mir spanisch vor*, итал. *parlo italiano o turco ottomano?*, франц. *parler javanais*);

4) русскому слову *жеребёнок* в бурятском языке соответствуют несколько: *унаган* ‘жеребенок до года’, *дааган* ‘жеребенок от года до двух лет’, *гунан* ‘жеребенок по третьему году’, *шүдэлэн* ‘кобыла до трех лет’;

5) слова *радость* и *горе* в русском языке в ряде словосочетаний предстают как жидкости (хлебнуть, испить горя, глубокое горе; радость разливается в человеке, бурлит, играет, переполняет человека, переплескивается через край) [Успенский 1979];

6) смена дня и ночи описывается словами *солнце всходит, идет по небу и заходит*;

7) ряд слов русского языка, обозначающих способности и качества человека (ум, разум, воображение, совесть, память, душа), ведут себя подобно названиям анатомических органов [Урысон 1995; Урысон 2003].

Определением ЯКМ, объединяющим все эти разнородные примеры, будет следующее: языковая картина мира — специфическая для данного языка структура лексико-

семантических полей и значений слов. Если строго ограничить объем понятия «языковая картина мира», следует при ее исследовании использовать в первую очередь факты из следующих областей:

- Структура лексических систем (лексико-семантических полей).
- Полисемия и коннотации.
- Метафорическая сочетаемость [Лакофф, Джонсон 2004; Успенский 1979].
- Мотивации при словообразовании («внутренняя форма») [Толстая 2002].
- Категоризация объектов, нашедшая прямое отражение в языке в виде систем именных согласовательных классов и именных классификаторов (нумеративов) [Lakoff 1987; Noun classes and categorization 1986; Gender in grammar and cognition 1999; Коваль 2008а, 2008б].

Также могут использоваться и другие языковые данные, например, семантика собственных имен [Березович 2007: 51–82]. Однако прочие данные нужно привлекать с большой осторожностью. Это, например, относится к фразеологии, которая порой воспринимается как явное отражение психологии народа, поскольку прямое сопоставление фразеологического материала с национальным менталитетом почти неизбежно приводит к противоречиям: «...к паремиям, будто бы свидетельствующим о лени какого-либо народа, всегда можно найти „контр-паремии“ о его трудолюбии» [Там же: 13].

Важным условием является то, что факты, которые, по мнению исследователя, отражают языковую картину мира, должны рассматриваться не изолированно, а в качестве компонентов системы. О скрывающейся за языковыми фактами картине нам куда больше расскажет не одно слово, а лексико-семантическое поле, не изолированный семантический переход, а «изосемантический ряд» (по терминологии С. А. Майзеля [Майзель 1983])^[1].

Если, например, у русского слова *корысть* отмечается семантическая эволюция ‘выгода’ → ‘выгода, получение которой морально осуждаемо’ (ср. укр. *користь* или пол. *korzyść* без отрицательных коннотаций), то аналогичная многозначность у синонимичных слов (*барыш, нажива*), слов того же семантического поля (*делка*) и такая же семантическая эволюция у заимствований, проникающих в русский язык (*гешефт* из нем. *Geschäft*, *афера* из франц. *affaire*), близкие семантические переходы (‘продавать’ → ‘предавать’) — всё это уже может свидетельствовать о связи в русской ЯКМ идей коммерческой деятельности с низкой

моральной оценкой [Зализняк 2012]. Связи, заметим, не уникальной, ср. семантический переход ‘продавать’ → ‘обманывать’ в старофранцузском *barater* ‘совершать обмен товаров’, ‘обманывать’, ‘торговать’ [Dictionnaire historique de la langue française, I: 325], фула *njulora* ‘обманывать’, ‘торговать’ [Зубко 1980: 284] (косвенной иллюстрацией того же перехода служат порт. *tratante* ‘купец’, ‘плут’, порт. *logro* ‘прибыль’, ‘обман’). При этом данные языковые факты не должны становиться основой для утверждений, что подобные взгляды — характерная черта менталитета русских, французов или представителей фульбе и других народов, использующих фула. Подобные выводы надо предоставить делать психологам и социологам.

Сами авторы работ, выполненных в антропологической, или, если угодно, «неогумбольдианской» парадигме лингвистики, отнюдь не разделяют приписываемую им критиками идею о прямой зависимости мышления от структуры языка и очевидной связи языка с психологией говорящего на нем народа: «Языковая картина мира — это не иное как семантическая система некоторого языка, рассматриваемая в типологической перспективе. Это не более чем удобный метаязыковой конструкт, позволяющий описать некоторые типы расхождений в устройстве семантических систем разных языков, а также ряд феноменов в области языковой эволюции, языковых контактов и межкультурной коммуникации. Устройство человеческого мышления концептуальный аппарат языковой картины мира ... описывать не предназначен» [Зализняк 2012]; «Язык не есть учебник по национальной психологии. Языковые феномены могут объясняться культурными, социальными, политическими обстоятельствами, но не стоит ждать от языковой системы эксплицитного и систематического „изложения“ жизненного кредо носителей языка» [Березович 2007].

А. В. Павлова и М. В. Безродный пишут: «Мы же считаем национальный характер и ментальность фантомами» [Павлова, Безродный 2010б]. С этой оценкой, независимо от того, насколько она справедлива вообще, лингвист должен согласиться и строго отличать свои исследования коннотаций или типологии лексических систем от изучения этнической психологии, оставив последнюю специалистам других наук.

Важнейшая часть ЯКМ — структура лексико-семантических полей, то, как язык членит область смысла на значения отдельных слов. Хрестоматийный пример межъязыковых различий в подобном членении относится к обозначениям частей тела (см. табл. 1).

Таблица 1 [Koptjevskaia-Tamm 2008: 14]

английский	итальянский	румынский	эстонский	японский	русский
<i>hand</i>	<i>mano</i>	<i>mînă</i>	<i>käsi</i>	<i>te</i>	рука
<i>arm</i>	<i>braccio</i>	<i>braț</i>	<i>käsi(vars)</i>	<i>ude</i>	
<i>foot</i>	<i>piede</i>	<i>picioară</i>	<i>jalg</i>	<i>ashi</i>	нога
<i>leg</i>	<i>gamba</i>				
<i>finger</i>	<i>dito</i>	<i>deget</i>	<i>sõrm</i>	<i>yubi</i>	палец
<i>toe</i>			<i>varvas</i>		

Таблица 2

Научное название	Русский	Английский	Испанский	Турецкий
<i>Mustela nivalis</i>	ласка	<i>weasel</i>	<i>comadreja</i>	<i>gelincik</i>
<i>Mustela erminea</i> в зимнем меху	горностай	<i>ermine</i>	<i>armiño</i>	<i>kakım</i>
<i>Mustela erminea</i> в летнем меху		<i>stoat</i>		
<i>Martes foina</i>	куница	<i>marten</i>	<i>garduña</i>	<i>sansar</i>
<i>Martes martes</i>			<i>marta</i>	<i>zerdeva</i>
<i>Mustela lutreola</i>	норка	<i>mink</i>	<i>visón</i>	<i>vizon</i>
<i>Mustela eversmanni</i>	хорёк	<i>polecat</i>	<i>turón</i>	<i>kokarca</i>
<i>Mustela putorius</i>			<i>turón / hurón</i>	
<i>Mustela putorius furo</i>	хорёк (фуро, фретка)	<i>ferret</i>	<i>hurón</i>	<i>feret</i>

Очень часто более дробное деление предметной области свидетельствует о большей ее освоенности в данной культуре. Например, в японском языке слабо разработана животноводческая лексика: английским *cattle*, *cow*, *bull*, *ox*, *bull* соответствует одно японское *ushi*, а словам *sheep*, *ram*, *ewe*, *wether*, *shearling* — одно японское *hitsujii*, зато у японцев куда более богата лексика, относящаяся к рыболовству, видам рыб и морепродуктов: двум английским словам *shrimp* и *prawn* соответствуют несколько различных японских обозначений креветок [Аллатов 2008: 68—69].

Хрестоматийным примером детальной разработанности терминологической системы стало восходящее к Ф. Боасу утверждение о большом количестве названий видов снега у эскимосов. К сожалению, у этого утверждения оказалась сложная судьба, во многом скомпрометированная идею лексической типологии. Оно восходит к статье Ф. Боаса 1911 г., в которой он приводит четыре термина для снега, демонстрирующих разные корни. Данный пассаж был процитирован отцом гипотезы лингвистической относительности Б. Уорфором, а затем и многими другими авторами, в том числе и в научно-популярной литературе, где в итоге число эскимосских названий снега выросло до двухсот. В 1980-х гг. Л. Мартин и Дж. Пуллом выступили разоблачителями этого устоявшегося мнения («The Great Eskimo Vocabulary Hoax» — название нескольких публикаций Пуллома). В результате стало распространяться противоположное утверждение: будто бы в эскимосских языках терминов для снега не больше, чем в английском. Однако если обратиться к имеющимся слова-

рям, выяснится, что всё-таки эскимосским языкам свойственна богатая терминология для обозначения видов снега и особенно видов льда. В диалектах насчитывается, например, от 8 до 12 терминов для различных видов снега на поверхности земли, от 60 до 100 с лишним терминов для разных форм и видов льда. Подробное изложение истории вопроса с эскимосскими названиями снега и богатый лексический материал приведены в статье И. И. Крупника [Крупник 2010].

Классическими объектами лексической типологии, помимо названий частей тела, стали цветообозначения, названия степеней родства; также существуют подробные работы о глаголах плавания [Глаголы движения в воде 2007], глаголах позиции [Newman 2002], терминах восприятия [Evans, Wilkins 2000; Viberg 1984, 2001], терминах размера ('широкий', 'длинный' и пр.) [Lang 2001] и др. Даже в области конкретной лексики — названий предметов быта, типов ландшафта, видов растений и животных — отличия языков в членении семантического поля лексемами легко обнаруживаются. Рассмотрим таблицу, содержащую названия нескольких видов млекопитающих семейства куньих в четырех языках (табл. 2).

Мы видим, что, например, турецкий и испанский языки различают два вида куньих, а в русском и английском эти два вида относятся к одному наивно-языковому виду (о понятии наивно-языкового вида (*folk species*) и соотношении наивно-языковых видов животных и растений с видами, выделяемыми биологической наукой, см.: [Куприянов 2005; Berlin 1992]). При этом в английском языке две сезонные формы горностая выступают как два разных наивно-языковых

вида. Естественно, научная терминология для каждого из этих языков позволяет различить все перечисленные виды при помощи составных названий: *Mustela putorius* — рус. лесной хорёк, англ. *European polecat*, *Mustela eversmanni* — рус. степной хорёк, англ. *steppe polecat*, *Martes foina* — рус. каменная куница, англ. *beech marten*, *Martes martes* — рус. лесная куница, англ. *pine marten* и т. д.

Еще один пример различных членений языками предметной области — разговорные названия трех родственных ягод (табл. 3).

Опять-таки при необходимости, в научных или близких к научным текстах, языки легко различают виды при помощи описательных названий: рум. *căpșunul de grădină* — *Fragaria ananassa*, польск. *poziomka wysoka* — *Fragaria moschata* — или сложных слов: швед. *skogsmultron* '*Fragaria vesca*', *parks-multron* '*Fragaria moschata*'.

Носителям языка порою кажется очевидным, что виды животных или растений, называющиеся в их языке разными словами, различны. Одновременно они не замечают, что сами во многих случаях объединяют в одном названии (и в одном таксоне «наивной классификации») разные виды. Русские *лягушка* и *жаба* объединяются в рум. *broaskă*, мокшан. *ватраки*, кит. *měng*, тигринья *կարգօ*, русские *крыса* и *мыши* — в новогреч. *ποντίκι*, лаос. *ນູ¹*, мхри^[3] *ຫັກຍຸບ*, бирм. *ചွေ*, араб. *فَرْ*, тигринья *ଜାଳ୍ପେଶା*, кхмер. *kondol*. А носителям ряда других языков покажется странным, что в русском и турецком один термин (рус. *масло*, тур. *yağ*) объединяет как растительный, так и молочный продукт (ср. англ. *oil* и *butter*, исп. *aceite* и *mantequilla*, франц. *huile* и *beurre*, венг. *olaj* и *vaj*). Еще раз подчеркнем, что различие в структуре лексических систем не является прямым свидетельством различий в психологии народов, менталитетах, культурах и подобном. Даже более дробное деление не обязательно свидетельствует о большей освоенности объекта. Показательно, что русский язык лексически отличает неограниченный и ограниченный алмаз (*алмаз* vs. *бриллиант*), тогда как нидерландский язык в обоих случаях использует слово *diamant*, хотя одним из крупнейших центров обработки и продажи бриллиантов является город Антверпен, находящийся во фланандской части Бельгии⁴.

Вернемся теперь к замечанию А. Я. Шайкевича о том, что вместо выражения «языковая картина мира» можно использовать термин «семантическая структура». Это замечание справедливо: в предложенном здесь понимании языковой картины мира как структуры лексико-семантических полей и значений слов термин «семантическая структура» хорошо описывает объект исследования. Однако мы всё-таки предпочли бы сохранить термин «ЯКМ» как более общий, объединяющий не только типологическое изучение лексико-семантических полей, но и прочие компоненты: типы мотиваций, структуры полисемии отдельных слов, метафорическую сочетаемость, грамматическую категоризацию.

2.2. От чего необходимо отделять ЯКМ. Языковую картину мира необходимо отделять от некоторых близких понятий. Как уже говорилось, когнитивная лингвистика активно оперирует понятием «картина мира» (см. раздел 1.3.2). Однако когнитивная картина мира относится к сфере сознания, а не языка, к «ментальному лексикону», а не к лексической семантике. К сожалению, в ряде появляющихся в последние годы работ игнорируется разница между значениями слов и структурой лексико-семантических полей с одной стороны и концептами как единицами «ментального лексикона» с другой [Кузлякин 2005]. При этом семантический анализ неоправданно обозначается модным термином «концептуальный». Подробнее о необходимости разграничения этих понятий, а также о соотношении терминов «концепт», «концептосфера», «когнитивная картина мира» с объектами лингвистики см.: [Попова, Стерин 2007: 17—104].

В исследовании О. А. Корнилова [Корнилов 2011] говорится о необходимости отделять ЯКМ от еще одного объекта — научной картины мира, выраженной средствами конкретного языка («национальная научная картина мира» в терминах О. А. Корнилова). Специфика национальных терминосистем, различные мотивации, ставшие основой терминов, используемые метафоры безусловно могут быть лингвоспецифичны [Корнилов 2011: 43—67], но не обязательно входят в сферу знаний среднего носителя языка и, следовательно, далеко не всегда попадают в ЯКМ данного языка, остаются за рамками подъязыка определенной науки.

Таблица 3

Научное название	Русский	Украинский	Румынский	Шведский	Польский
<i>Fragaria ananassa</i>	клубника	полуница	<i>căpșun</i>	<i>jordgubbe</i>	<i>truskawka</i>
<i>Fragaria vesca</i>	земляника	сунница	<i>frag</i> ^[2]	<i>smultron</i>	<i>poziomka</i>
<i>Fragaria moschata</i>	земляника	полуница	<i>căpșun</i>	<i>smultron</i>	<i>poziomka</i>

Таблица 4

Научное название	Русский	Русский спец.	Украинский	Украинский спец.
<i>Fragaria ananassa</i>	клубника	земляника садовая	полуница	суница садова
<i>Fragaria vesca</i>	земляника	земляника лесная	суница	суница лісова
<i>Fragaria moschata</i>	земляника	клубника	полуница	полуница

2.3. О НЕОДНОРОДНОСТИ ЯКМ. Вернемся к списку языковых фактов, которые мы приводили в качестве примеров элементов ЯКМ. Легко увидеть, что эти факты различаются по степени осознания говорящими. Семантику слова *насекомое* можно отнести к «обыденному знанию», противопоставленному научным воззрениям, а вот то, что *ум, память и совесть* ведут себя в ряде контекстов подобно названиям анатомических органов, говорящие на русском языке не осознают [Урысон 2003: 50]. Таким образом, этот фрагмент языковой картины мира противопоставлен не только научной картине мира, но и обыденным, бытовым представлениям, которые обычно фиксирует языковая семантика [Там же: 56].

Другой вид неоднородности в ЯКМ связан с подвижностью границ между научным знанием и знаниями, зафиксированным в языке. В язык регулярно проникает научная терминология, потому что носители языка сталкиваются с текстами разных стилей — от разговорного до публицистического и научного. В результате некоторые представления, зафиксированные в языке, могут осознаваться говорящими как не соответствующие реальности, хотя выражения, в которых эксплицированы эти ложные представления, по-прежнему будут использоваться. Мы продолжаем говорить *взошло солнце*, хотя в результате всеобщего школьного образования вряд ли найдется взрослый носитель русского языка, не знающий, что на самом деле Земля вращается вокруг Солнца. Однако при проникновении научных терминов в обыденный язык они порой приобретают не свойственную им прежде семантику, превращаясь в элементы «наивной» картины мира. При помощи поисковых систем в Интернете несложно найти примеры такого рода:

...в Лесото распространяется вирус туберкулеза, особо стойкий к антибиотикам...

...Я не знаю, как долго сохраняет жизнеспособность бактерия кори... —

в то время как с точки зрения биолога словосочетания *бактерия кори* или *вирус туберкулеза* абсурдны.

Однако было бы упрощением противопоставлять лишь две возможных ситуации употребления: обыденный язык, отражающий «наивную» картину мира, и научную терминологию. На самом деле между этими двумя полюсами существует ряд промежу-

точных состояний. Проиллюстрируем это, вернувшись к примеру с названиями ягодных культур рода *Fragaria*. Если помимо обыденной речи мы рассмотрим еще и специализированную литературу, но не учебники и монографии ученых-ботаников, а, например, книги, посвященные садоводству, то обнаружим, что система терминов там может отличаться как от «обывательской», так и от научной (см. табл. 4).

В строгой научной терминологии родовое название у всех видов должно быть единым, и если используются не латинская, а русская номенклатура, *Fragaria moschata* именуется *земляникой мускусной*.

Исходя из собственного опыта наблюдений над употреблением зоологической и ботанической лексики, мы можем сделать вывод, что существует иерархия типов текстов от максимально «наивно-биологических» до полностью научных. В области биологии эта иерархия выглядит так:

- Разговорная речь.
- Пресса, художественная литература.
- Литература по аквариумистике, охоте, садоводству, комнатному цветоводству.
- Школьные учебники и научно-популярная литература.
- Учебники для студентов биологических специальностей вузов и научные издания.

Говоря о соотношении научной и «наивной» терминологии в текстах, надо отметить, что необходимо развитие еще одного направления исследований ЯКМ, которые должны отвечать на вопрос о том, какие знания входят в коммуникативную компетенцию и являются частью ЯКМ, а какие принадлежат к специализированным картинам мира. Как, например, отмечает В. М. Алпатов, в японской языковой культуре крайне малое значение имеют названия звезд, созвездий и планет [Алпатов 2008: 65], из которых в обыденную ЯКМ входит только Луна. В то же время у тюркских или полинезийских народов существует развитая народная астрономическая терминология. Подобные исследования должны использовать методы социолингвистики: анкетирование, массовый опрос информантов.

2.4. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ И ЯКМ. Многие черты ЯКМ (в предложенном здесь понимании) можно выявить при изучении семантических переходов в языках мира.

Такой подход удобен тем, что позволяет обнаружить и сопоставить различия в ЯКМ конкретных языков. Для иллюстрации разберем несколько конкретных примеров.

2.4.1. Понимание. При работе над «Каталогом семантических переходов в языках мира» на данный момент выявлены три основные метафорические модели понимания: ‘хватать’, ‘рассекать’ и ‘находиться в смежном пространстве’. Наблюдаются также переходы от единиц *слышать* и *видеть*, которые не являются метафорическими. Видимо, основные модели не всегда являются метафорическими. Значение ‘понимать’ возникает соответственно у глаголов с семантикой ‘хватать, брать рукой’, ‘видеть’ и ‘слышать’ (в дальнейшем приводятся примеры из «Каталога семантических переходов» и следующей работы: [Vanhove 2008]).

Первую модель демонстрируют глаголы, сочетающие значения ‘брать, хватать’ и ‘понимать’: эрз. *каподемс*, мокшан. *фатямыс*, зулу *bamba*, итал. *afferrare*, англ. *grasp*, *catch*, итал. *prendere*, франц. *saisir*, др.-греч. *καταλαμβάνω* и *έφαπτω*, караим. *кал-*, тибет. *adzin-pa*, япон. *tsukamu* (括む), ивр. *tafas*, согд. *үгў-*, тигринья *ḥazā*, суахили *shika*, — а также случаи, когда семантический переход происходит при словообразовании (нем. *greifen* ‘хватать, брать’ и *begreifen* ‘понимать’) или эволюции слова (лат. *comprehendere* ‘обхватывать, обнимать; поймать’ и франц. *comprendre* ‘понимать’).

Примерами второй модели (семантическому переходу ‘видеть’ → ‘понимать’ близок другой семантический переход: ‘видеть’ → ‘знать’) могут служить аккад. *amāru*, англ. *see*, агул. *agWas*, итал. *vedere*, др.-греч. *όράω*, суахили *kuona*, волоф *gis*, сар (нило-сахарская семья, Чад, по данным на 1993 г. — 183 тыс. носителей) *াঁ*, ср. также паленкеро (креольский язык на основе испанского. Около 500 говорящих в Паленке-де-Сан-Басилио, департамент Боливар, Колумбия) *bé!* ‘смотри!’, ‘пойми!’ (из исп. *ver* ‘смотреть’).

Третья модель, в соответствии с которой глагол ‘понимать’ связывается со ‘слышать’, характерна для франц. *entendre*, нганасан. *дильситиси*, коряк. *валомык*, эвенск. *долъ-*, якут. *isit-*, юкагир. *мёри-*, амхар. *sämtta*, тибет. *khunts-ра*, ительмен. *элфсэс*, юлу (нило-сахарская семья, ЦАР, ДР Конго, Южный Судан, около 7 тыс. носителей) *lāagə*, сар *đb*, волоф *dégg*, гбайя-бодое (один из языков/диалектов гбайя, на которых говорит более 900 тыс. человек в ЦАР и Камеруне) *zéi*, касем (нигеро-конголезская семья, Буркина-Фасо, Гана, около 250 тыс. носителей) *nì*, мвотлап (оceanийские языки. Примерно 2100 носителей, на острове Мота-Лавав ост-

ровной группы Банкс (архипелаг Новые Гебриды)) *yoῆteg*, маконде (нигеро-конголезская семья, языки банту, 1 млн 340 тыс. носителей, Танзания и Северный Мозамбик) *kwíigwa*, суахили *kusikia*, вили (нигеро-конголезская семья, языки банту, 11 тыс. носителей в Республике Конго и Габоне) *kúkúy*, нелемуя (оceanийские языки, один из языков/диалектов Новой Кaledонии, по данным на 1996 г. — 960 носителей) *tâlâ*, азиат. эскимос. *niqur*, паленкеро *kucha* (< исп. *escuchar* ‘слушать’; ср. также авест. *uš-* ‘слух’, ‘понимание, разум’).

Мы можем видеть, что для русского языка характерны первые две модели. По модели, связанной с хватанием рукой, образован основной русский глагол для понимания: ср. значения ‘взять, ухватить, захватить, поймать’ для глагола *понимать* в словаре В. И. Даля [Даль 1994, 3: 743], ср. также др.-рус. *поимти* ‘взять, поймать, схватить’ и ‘понять, постигнуть’ [Срезневский, 2: 1340—1342]. Данная модель прослеживается также в др.-рус. *уловити* ‘словить, поймать’ [Срезневский, 3: 1197] и рус. *уловить* ‘понять’, рус. *схватывать* ‘понимать’. Модель, связанная со зрением, обнаруживается в примерах типа *Теперь-то я вижу, что он прав*.

Интересно отметить, как под влиянием контактов с якутами, юкагирами и коряками в русских старожильческих говорах Восточной Сибири также возникла третья модель понимания, которую демонстрируют нам примеры это якут, он *по-русски не слышит; он не говорит по-коряцки, а слышит* в низне-индигирских говорах [Аникин 2000: 497]. Впрочем, маргинальные примеры третьей модели можно найти и в недиалектной русской речи, например, связанные с употреблением глагола *чуять* ‘ощущать’, ‘слышать’ в значении ‘понимать’ (чаще всего в вопросительных высказываниях вроде *Чуешь, чем это может кончиться?*).

М. Ванхов, исследовав глаголы со значениями чувственного восприятия, схватывания и ментальных процессов в представительной подборке языков [Vanhove 2008], пришла к выводу, что, если в языке слово со значением ‘брать рукой, схватывать’ начинает обозначать также какой-либо ментальный процесс (понимание, знание и пр.), то в этом же языке аналогичное семантическое развитие испытывают слова со значениями слухового и зрительного восприятия. При этом обратное неверно [Vanhove 2008: 368].

2.4.2. Температурные метафоры для дружеского/враждебного отношения. Для описания отношения между людьми в самых различных языках широко используются семантические переходы ‘горячий, теплый’ →

→ ‘дружественный’ (рус. *тёплый*, якут. *сылаастык*, эрз. *лембе*, монг. *халуун*, *дулаан*, амхар. *yägalä*, япон. *atsui*^[5]) и ‘холодный’ → ‘враждебный’ (монг. *хүйтэн*, рус. *холодный*, тур. *södük*, исп. *frio*). Эти переходы могут показаться универсальными, однако обнаруживается и семантический переход ‘холодный’ → ‘дружественный’. Его реализацией служит слово *baridi* языка суахили:ср. *ona baridi* ‘мерзнуть’, *baridi kali (nyingi)* ‘сильный холод, мороз’, *nchi ya baridi* ‘страна с холодным климатом’ и *tapelo ya baridi* ‘дружелюбная речь, дружеские слова’.

2.4.3. Боль. Семантические переходы в лексическом поле боли специально исследовались в данных работах: [Бонч-Осмоловская и др. 2008, 2009]. Продемонстрируем основные переходы, позволяющие языкам выражать значения ‘боль’, ‘болеть’.

А. ‘Воздействие инструментом’ → ‘боль’:

– А1 — резание: фр. *trancher* ‘резать’, *tranchées* ‘колики, резь’, рус. *резь*, нем. *schneidende Schmerzen* ‘режущие боли’, суахили *changa* ‘нарезать, разрезать (на куски); разрубать; колоть, раскалывать’, ‘испытывать боль (главным образом в суставах)’, *wanga* ‘резать, вырезать или выдалбливать (например, дерево, чтобы достать мед)’, ‘болеть; повреждать, ранить, причинять боль’ (*kichwa kinaniwanga* ‘у меня болит голова’), *katakata* ‘разрезать на мелкие кусочки’, ‘ощущать острую боль’ (*tumbo langu linakata-kata* ‘у меня рези в животе’), *tkkeketo* ‘отрезание, разрезание (чего-либо твердого тупым ножом)’, ‘боль в животе, рези’ (язык суахили наглядно демонстрирует изосемантический ряд для перехода ‘резать’ → ‘болеть’), япон. *kiri* ‘резать’ (*Me ga kiri-kiri suru* ‘У меня резь в глазах’).

– А2 — сверление: исп. *taladrar* ‘сверлить, пронзать’, ‘сверлить (о боли)’, нем. *bohren*.

– А3 — укол: рус. *колоть* (например, *в боку*), исп. *pinchar* ‘колоть’ (иглой и т. п.; *me pincha el costado* ‘у меня колет в боку’), *ripzar* ‘колоть’ (иглой и т. п.), ‘колоть, усиливаться временами’ (*me punza el costado*, *tengo punzadas en el costado*), рум. *a împinge, a întepăra* (для второго румынского глагола значение ‘колоть (о боли)’ отмечено как разговорное), *a injunghia* (*mă înjunghie în piept, într-o coastă* ‘у меня колет в груди, в боку’), санскрит *todá* ‘укол’, ‘острая боль’ (первое значение санскритского слова ‘погонщик (пользующийся стрекалом)’ [Кочергина 1996: 248]), тагал. *sundót* ‘укол’, *sumundót* ‘колоть, покалывать (болевое ощущение)’, англ. *my face stings* — букв. ‘мое лицо жалит’.

Б. ‘Разрушение’ → ‘боль’: рус. *суставы ломит*, арм. *kotrakvel* ‘ломаться’, ‘чувствовать боль в суставах’.

В. ‘Горький’ → ‘болеть’: суахили *uchungu* ‘горечь, горький вкус’, ‘боль’ (*uchungu wa kuita* ‘боль от укуса’; *uchungu wa uzazi (kuzaa)* ‘родовые схватки’).

Г. ‘Есть’ → ‘боль’: амхар. *bälla* ‘есть, кушать’, ‘ныть, болеть (о части тела)’ (*kʷəs̥lu bällaw* ‘его рана ныла (букв. ела его)’), яравара^[6] *kaba* ‘есть, жевать’, ‘вызывать зуд’ (*Aba me e kababa e amake* ‘Мы будем есть рыбу’ и *Kaisa owa kabake* ‘Гриб вызвал у меня зуд’).

Д. ‘Гореть’ → ‘боль’: груз. *tvalebi tēcvis* (букв. ‘мои глаза горят’), эрз. *желудкать толсе пале* (букв. ‘мой живот в огне горит’).

Е. ‘Звук’ → ‘боль’: рус. *мои ноги гудят, спина ноет*.

Как показано в специальном исследовании [Бонч-Осмоловская и др. 2008: 545—547], использование различных метафор для боли позволяет выражать такие ее параметры, как направленность, интенсивность, локализацию и распределение во времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Хорошим примером системности в исследовании семантической стороны языка могут послужить лучшие из работ в области славянской этнолингвистики, авторы которых исследуют лексические системы (лексико-семантические поля, деривационные гнезда) [Березович 2007; Толстая 2008], а также работы специалистов по сравнительно-историческому языкознанию, которые, занимаясь пражской семантикой, ставят своей целью реконструировать не значения отдельных слов, а лексико-семантическую систему, т. е. решают задачи лексической типологии в диахронии [Толстой 1969; Дыбо 1996].

[2]. В румынских диалектах также *rotniță*.

[3]. Семитский язык южноаравийской группы. Около 135800 говорящих в Йемене, Омане и Кувейте (2000).

[4]. Ситуация со словами *алмаз* и *бриллиант* в русском языке объясняется возникновением семантической дифференциации между синонимами, заимствованными разными путями. Заметим, что ранее в русском языке отмечалось и слово *диамант* (зафиксировано, например, у Даля, Ушакова), которое не выдержало конкуренции и было вытеснено из литературного языка.

[5]. Это японское слово в значениях ‘теплый, жаркий’ и ‘добрый, сердечный, гостеприимный’ записывается разными иероглифами (暑い и 厚い), однако произносится одинаково и, предположительно, в обоих значениях имеет одну этимологию.

[6]. Один из диалектов языка мади (или же самостоятельный язык) араванской семьи языков. Насчитывает 155 говорящих (по данным на 2000 г.), живущих в округе Лабреа бразильского штата Амазонас.

СОКРАЩЕННЫЕ НАЗВАНИЯ ЯЗЫКОВ

авест. — авестийский
агул. — агульский
азиат. эскимос. — язык азиатских эскимосов
амхар. — амхарский
англ. — английский
араб. — арабский
арм. — армянский
аккад. — аккадский
бирм. — бирманский
венг. — венгерский
греч. — греческий
груз. — грузинский
др.-греч. — древнегреческий
др.-рус. — древнерусский
индонез. — индонезийский
ивр. — иврит
исп. — испанский
итал. — итальянский
ительмен. — ительменский
караим. — караимский
кит. — китайский
коряк. — корякский
кхмер. — кхмерский
лат. — латинский
лаос. — лаосский
мокшан. — мокшанский
монг. — монгольский
нганасан. — нганасанский
нем. — немецкий
новогреч. — новогреческий
пол. — польский
порт. — португальский
рум. — румынский
рус. — русский
согд. — согдийский
тагал. — тагалог, тагальский
таит. — таитянский
тибет. — тибетский
тур. — турецкий
удм. — удмуртский
укр. — украинский
франц. — французский
швед. — шведский
эвенск. — эвенский
эрз. — эрзянский
эскимос. — эскимосский
юкагир. — юкагирский
якут. — якутский
япон. — японский

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллатов В. М. Япония. Язык и культура. — М., 2008.
2. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заемствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М. ; Новосибирск, 2000.
3. Аникин Е. Е., Чудинов А. П. Дискуссия о русской языковой картине мира: абсолютный универсализм и крайний релятивизм (неогумбольдтианство) // Политическая лингвистика. 2011. Вып. 1 (35). С. 11—14.
4. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание и системная лексикография. — М., 1995.
5. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. — М., 2007.
6. Бонч-Осмоловская А. А., Мерданова С. Р., Рахилина Е. В., Резникова Т. И. «Частные типологии» в лексике: лексическое поле боли // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова / А. В. Архипов и др. (ред.). — М., 2008. С. 539—551.
7. Бонч-Осмоловская А. А., Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Глаголы боли: лексическая типология и механизмы семантической деривации // Концепт «боль» в типологическом освещении / В. М. Брицын и др. (ред.). — Киев, 2009. С. 8—27.
8. Вежбицкая А. Имеет ли смысл говорить о «русской языковой картине мира»? (Патрик Серио утверждает, что нет) // Динамические модели. Слово, предложение, текст : сб. ст. в честь Е. В. Падучевой. — М., 2008. С. 177—189.
9. Вешняковская Е. В плenу грамматики и слова-ря // Наука и жизнь. 2012. № 2. С. 50—55.
10. Гердт А. С. Введение в этнолингвистику. Курс лекций и хрестоматия. — СПб., 2001.
11. Глаголы движения в воде: лексическая типология / Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.). — М., 2007.
12. Грунтов И. А. «Каталог семантических переходов» — база данных по типологии семантических изменений // Диалог 2007. Компьютерная лингвистика и информационные технологии : материалы конф. — М., 2007. С. 157—161.
13. Даlь В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Репр. изд. — М., 1994.
14. Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (пле-чевой пояс). — М., 1996.
15. Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе (к вопросу о термине «языковая картина мира») // Russian Linguistics. 2013. Vol. 37, Iss. 1 (Apr). P. 5—20.
16. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии. Проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2.
17. Зубко Г. В. Фула-русско-французский словарь / под ред. Нялибули Бурейма и Диенга Мамаду. — М., 1980.
18. Коваль А. И. Классификационная семантика и деривация имени в пулар-фульфульде // Основы африканского языкознания. Лексические подсистемы. Словообразование / Виноградов В. А. (ред.). — М., 2008а. С. 311—494.
19. Коваль А. И. Форма носа и языковая категоризация (из лингвоэтнокультурных заметок) // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова / А. В. Архипов и др. (ред.). — М., 2008б. С. 710—716.
20. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. — М., 2011.

21. Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. — М., 1996.
22. Крупник И. И. Сколько слов для льда у эскимосов // *Studia Anthropologica* : сб. ст. в честь проф. М. А. Членова. — М. ; Иерусалим, 2010. С. 411—445.
23. Кузлякин С. В. Проблема создания концептуальной модели в лингвистических исследованиях // *Русистика и современность*. Т. 1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. — СПб., 2005. С. 136—141.
24. Куприянов А. В. Предыстория биологической систематики. — СПб., 2005.
25. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М., 2004.
26. Майзель С. С. Пути развития корневого фонда семитских языков. — М., 1983.
27. Павлова А. В., Безродный М. В. Хитрушки и единорог: образ русского языка от Ломоносова до Вежбицкой // *Toronto Slavic Quarterly*. 2010а. № 31. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/31/bezrodny31.shtml>.
28. Павлова А. В., Безродный М. В. Ложный вызов // *Toronto Slavic Quarterly*. 2010б. № 31. URL: http://www.utoronto.ca/tsq/31/tsq31_disput_bezrodnyi.pdf.
29. Павлова А. В., Безродный М. В. Хитрушки и единорог: образ русского языка от Ломоносова до Вежбицкой // *Политическая лингвистика*. 2011. Вып. 4 (38). С. 11—20.
30. Попова З. Д., Стерин И. А. Когнитивная лингвистика. — М., 2007.
31. Срезnevский И. И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. Репр. изд. — М., 1989.
32. Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // *Русский язык в научном освещении*. 2002. № 1 (3). С. 112—127.
33. Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. — М., 2008.
34. Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. — М., 1969.
35. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — М., 1995.
36. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. — М., 2003.
37. Урысон Е. В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкоznания. 1995. № 3.
38. Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // *Семиотика и информатика*. — М., 1979. Вып. 11. С. 142—148.
39. Шайкевич А. Я. Русская языковая картина мира в ряду других картинок // *Московский лингвистический журнал*. 2005. № 8/2.
40. Шмелев А. Д. Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарцизма»? // *Политическая лингвистика*. 2011. Вып. 4 (38). С. 21—33.
41. Шмелев А. Д. Допустимо ли изучать русский язык? // *Toronto Slavic Quarterly*. 2010. № 31. 2010. URL: http://www.utoronto.ca/tsq/31/tsq31_disput_shmlelev.pdf.
42. Andrews D. The Russian color categories sinij and goluboj: An experimental analysis of their interpretation in the standard and emigré languages // *Journal of Slavic Linguistics*. 1994. № 2. P. 9—28.
43. Athanasopoulos P. Cognitive representation of colour in bilinguals: The case of Greek blues // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2009. № 12 (1). P. 83—95.
44. Berlin B. Ethnobiological classification: principles of categorization of plants and animals in traditional societies. — Princeton, NJ, 1992.
45. Boroditsky L. Does language shape thought? English and Mandarin speakers' conceptions of time // *Cognitive Psychology*. 2001. № 43 (1). P. 1—22.
46. Boroditsky L. Linguistic relativity // *Encyclopedia of cognitive sciences*. — London, 2003. P. 917—921.
47. Boroditsky L. Metaphoric Structuring: Understanding time through spatial metaphors // *Cognition*. 2000. № 75 (1). P. 1—28.
48. Boroditsky L., Fuhrman O., McCormick K. Do English and Mandarin speakers think differently about time? // *Cognition*. 2010. Vol. 118, 1. P. 123—129.
49. Boroditsky L., Ham W., Michael Ramscar M. What is universal in event perception? Comparing English & Indonesian speakers // *Proceedings of the Twenty-Fourth Annual Conference of the Cognitive Science Society*. — Mahwah, NJ. 2002.
50. Braukman S. L., Ross M. A. Married Women's Property and Male Coercion: United States Courts and the Privy Examination, 1864—1887 // *Journ. of Women's History*. 2000. Vol. 12, 2. P. 57—80.
51. Brinjikji H. Property Rights of Women in Nineteenth-Century England. URL: <http://www.umd.umich.edu/casl/hum/eng/classes/434/geweb/PROPERTY.htm>.
52. Brown C. H. *Language and Living Things*. — Rutgers, 1984.
53. Deutscher G. *Through the Language Glass: Why the World Looks Different in Other Languages*. — New York, 2010.
54. *Dictionnaire historique de la langue française* / sous la direction de Alain Rey. — Paris, 2000.
55. Dils A. T., Boroditsky L. Processing unrelated language can change what you see // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2010, 17 (6). P. 882—888.
56. Evans N., Wilkins D. P. In the mind's ear: The semantic extensions of perception verbs in Australian languages // *Language*. 2000. № 76 (3). P. 546—592.
57. Evidence for linguistic relativity / Niemeier S., Dirven R. (eds.). — Amsterdam, Philadelphia, 2000.
58. Fuhrman O., Boroditsky L. Cross-Cultural Differences in Mental Representations of Time: Evidence from an Implicit Non-Linguistic Task // *Cognitive Science*. 2010. № 34, 8. P. 1430—1451.
59. Gender in grammar and cognition / Unterbeck B., Rissanen M. (eds.). — Berlin, 1999.
60. Gumperz J., Levinson S. Rethinking Linguistic Relativity // *Current Anthropology*. 1991. № 32 (5). P. 613—623.
61. Koptjevskaia-Tamm M. Approaching lexical typology // *From Polysemy to Semantic Change: Towards a typology of lexical semantic associations (Studies in Language Companion Series)* / Vanhove M. (ed.). — Amsterdam, Philadelphia, 2008. P. 3—54.

62. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous things: What categories reveal about the mind. — Chicago, 1987.
63. Lang E. Spatial dimension terms // Language Typology and Language Universals / M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). — Berlin, 2001. Vol. 1—2. P. 1251—1275.
64. *Language in mind*. Advances in the study of language and cognition / Gentner D., Goldin-Meadow S. (eds.). — Cambridge, 2003.
65. Levinson S. C. Language and Space // Annual review of Anthropology. 1996. № 25. P. 353—382.
66. Levinson S. C. Space in language and cognition: explorations in cognitive diversity. — Cambridge, 2003.
67. Levinson S. C. Yeli Dnye and the Theory of Basic Color Terms // Journ. of Linguistic Anthropology. 2000. № 10 (1). P. 3—55.
68. Lucy J. A. Grammatical Categories and Cognition: A Case Study of the Linguistic Relativity Hypothesis. — Cambridge, 1992a.
69. Lucy J. A. Language Diversity and Thought: A Reformulation of the Linguistic Relativity Hypothesis. — Cambridge, 1992b.
70. Lucy J. A. Linguistic Relativity // Annual Review of Anthropology. 1997. № 26. P. 291—312.
71. Lucy J. A. The role of semantic value in lexical comparison: Motion and position roots in Yucatec Maya // Linguistics. 1994. № 32 (4/5). P. 623—656.
72. Lucy J. A. The scope of linguistic relativity: An analysis and review of empirical research // Rethinking linguistic relativity / J. Gumperz, S. Levinson (eds.). — Cambridge, 1996. P. 37—69.
73. Lucy J. A., Shweder R. The effects of incidental conversation on memory for focal colors // American Anthropologist. 1988. № 90 (4). P. 923—931.
74. Lucy J. A., Shweder R. Whorf and his critics: Linguistic and nonlinguistic influences on color memory // American Anthropologist. 1979. № 81 (3). P. 581—615. Repr. in: Language, Culture, and Cognition / R. W. Casson (ed.). — New York, 1981. P. 133—163.
75. Newman J. The Linguistics of Sitting, Standing and Lying. — Amsterdam, Philadelphia, 2002.
76. Noun classes and categorization / Craig C. (ed.). — Amsterdam, 1986.
77. O'Neill S. Cultural contact and linguistic relativity among the Indians of Northwestern California. — Oklahoma City, 2008.
78. Pavlenko A. New approaches to concepts in bilingual memory // Bilingualism: Language and Cognition. 1999. № 2 (3). P. 209—230.
79. Pavlova A., Bezrodnyj M. How to Catch a Unicorn? The Image of the Russian Language from Lomonosov to Wierzbicka // Toronto Slavic Quarterly. 2010. № 32. URL: http://www.utoronto.ca/tsq/32/tsq_32_pavlova_bezrodnyj_how_to_catch_a_unicorn.pdf.
80. Phillips W., Boroditsky L. Can quirks of grammar affect the way you think? Grammatical gender and object concepts // Proceedings of the Twenty-fifth Annual Meeting of the Cognitive Science Society. — Boston, 2003.
81. Relative points of view: linguistic representation of culture / Stroinska M. (ed.). — New York, 2001.
82. Rethinking linguistic relativity / Gumperz J., Levinson S. (eds.). — Cambridge, 1996.
83. Sériot P. Oxymore ou malentendu? Le relativisme universaliste de la métalingue sémantique naturelle universelle d'Anna Wierzbicka // Cahiers Ferdinand de Saussure. 2005. № 57.
84. Vanhove M. Semantic associations between sensory modalities, prehension and mental perceptions: A crosslinguistic perspective // The verbs of perception: a typological study / Å. Viberg // Linguistics. 1984. № 21. P. 123—162.
85. Viberg Å. Verbs of perception // Language Typology and Language Universals / M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). Vol. 1—2. — Berlin, 2001. P. 1294—1309.
86. Zalizniak A., Bulakh M., Ganenkov I., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Lexical Semantic Typology // Linguistics. 2012. Vol. 50, Iss. 3 (May). P. 633—669.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов